

Руссель-Киллуг Анри

**Чрез Сибирь в Австралию и
Индию**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А70

А70 **Анри Р.**
Чрез Сибирь в Австралию и Индию / Руссель-Киллуг Анри – М.: Книга по Требованию,
2023. – 573 с.

ISBN 978-5-519-83870-2

ISBN 978-5-519-83870-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

представляет такую фантазматорію, какую нельзя найти даже въ Китаѣ при всемъ его разнообразіи.

Хотя, при описаніи путешествія въ Сибирь, мнѣ нехотѣло распространяться о Парижѣ и Лондонѣ, но я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на одинъ общій предразсудокъ, касательно этихъ двухъ городовъ. Что Парижъ прекраснѣйшій городъ во всей вселенной, — этого, конечно, не станетъ оспаривать никто, но англичане, имѣющіе привычку судить о цѣнности вещей по ихъ размѣру, допускаютъ это превосходство только съ тѣмъ ограниченіемъ, будто бы Парижъ, въ сравненіи съ Лондономъ, имѣетъ очень скромныя размѣры. Какъ ни безобиденъ и пусть самъ по себѣ этотъ предразсудокъ, но я считаю долгомъ изобличить его, потому что, на основаніи географическихъ и статистическихъ данныхъ, Парижъ, даже въ этомъ отношеніи, не уступаетъ ни одной изъ извѣстныхъ столицъ. Онъ имѣетъ въ окружности не менѣе сорока верстъ, и я даже не знаю, найдется ли въ какомъ-нибудь другомъ городѣ на свѣтѣ такая длинная линія какъ отъ Нелли до Венсенскаго замка, который, хотя и неофициально, но все-таки принадлежитъ къ Парижу. Если его народонаселеніе на тридцать процентовъ меньше лондонскаго, то это потому, что самъ городъ далеко не такъ сжатъ и въ немъ много свободныхъ мѣстъ. Впрочемъ, это все относится только къ Парижу официальному и *intra muros*; а еще Богъ знаетъ каковы оказались бы его народонаселеніе и пространство, еслибъ ихъ вычислили такъ, какъ вычисляютъ въ Лондонѣ, котораго границы никому не извѣстны.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, что французы не отдають полной справедливости нѣкоторымъ кварталамъ Лондона, также какъ его *физическому* значенію въ экономіи міра. Если справедливо мнѣніе, что, въ случаѣ если бы Парижъ исчезъ съ лица земли, человѣческій умъ остановился бы въ своемъ развитіи, то не менѣе справедливо, что еслибъ это случилось съ Лондономъ, то человѣческій родъ рисковалъ бы умереть съ голоду. Эти два удивительные города, которыхъ соединенное народонаселеніе многочисленнѣе нежели въ цѣлой Сибири, представляютъ собою — одинъ голову, другой — сердце и желудокъ человѣчества; слѣдовательно трудно рѣшить который изъ нихъ полезнѣе.

Что касается до внѣшности, то жители южныхъ странъ не могутъ простить Лондону важныхъ погрѣшностей противъ вкуса, или, если можно такъ выразиться, отсутствія того *кокетства*, которое со-

ставляетъ привилегію всѣхъ странъ, кромѣ одной столицы Англіи: это единственный городъ, не выставлющійся на показъ.

Въ Лондонѣ, также какъ и въ Парижѣ, мнѣ не посчастливилось достать хорошую карту Сибири и потому я пошелъ въ *Leicester Square*, гдѣ находился большой глобусъ, желая измѣрить въ послѣдній разъ землю, а затѣмъ взять билетъ на проѣздъ въ конторѣ петербургскихъ пароходовъ.

При этомъ я сдѣлался жертвою жестокаго обмана. Такъ какъ русскіе пугали меня цифрою предстоящихъ мнѣ въ Сибири расходовъ, то я, желая, разумѣется, сберечь свои финансы, спросилъ у начальника конторы пароходовъ, есть ли тамъ второй классъ, и правда ли, что онъ совершенно отличается отъ перваго. Заключивъ по его утвердительному отвѣту, что различіе между обоими классами большое, я побоялся сѣсть во второй классъ и заплатилъ за билетъ перваго класса 250 франковъ, кромѣ шести шиллинговъ въ день, за пищу, во все продолженіе плаванія. Но оказалось, что между пассажирами обоихъ классовъ не было и тѣни какого-нибудь различія, кромѣ разныхъ каютъ! На австрійскихъ пароходахъ вы увидите тоже самое, но тамъ, по крайней мѣрѣ, вамъ не стануть такъ нагло лгать, когда вы попросите свѣдѣній.

Впрочемъ, это было только начало всѣхъ моихъ несчастій, и вообще путешествіе мое началось подъ самыми дурными предзнаменованіями. Для переѣзда достаточно было *шести* дней, а мы проѣхали *тринадцать*! Пароходъ назначался для пассажировъ, а когда я вступилъ на него, онъ весь былъ загроможденъ баранами, овцами и собаками, распространявшими страшную нечистоту вокругъ себя. Само небо, казалось, было въ заговорѣ противъ меня, потому что всѣ его хляби раскрылись и въ продолженіе нѣсколькихъ дней изливали потоки дождя на мою горемычную голову!

Наконецъ, наступилъ торжественный день отъѣзда; онъ былъ назначенъ ровно въ четыре часа по полудни, въ воскресенье, и пассажиры должны были поспѣвать къ этому времени въ Грэнгайтъ, станцію Маргатской желѣзной дороги, въ двадцати пяти верстахъ отъ Лондона.

Я отправился въ часъ, прибылъ въ Грэнгайтъ въ два часа и глазами сталъ искать парохода.... но напрасно!... Дождь лилъ ручьями и я просидѣлъ цѣлый часъ въ душной конторѣ, гдѣ познакомился съ злополучными товарищами моего путешествія. Наконецъ, сквозь туманъ и дождь, показалась дымящаяся труба несчастнаго парохода,

будущаго орудія нашихъ мученій; чтобъ доѣхать до него, мы сѣли въ челнокъ, заплативши за это шесть франковъ, и черезъ четверть часа вступили на бортъ этой ужасной, отвратительной машины; но тутъ намъ сказали, что надо еще подождать полтора сутокъ до отплытія, пока приведутся въ порядокъ компасы. На сердцѣ у меня кипѣло, такъ какъ очевидно было, что все это дѣлается нарочно, чтобъ заставить насъ подольше прожить на пароходѣ и платить за столъ. Увы! я приготовился къ еще большимъ бѣдствіямъ, и потому философически покорился своей участи; всѣ мы—какъ бараны, такъ и люди—терпѣливо дождались вторника 12 октября, когда наконецъ первый оборотъ колеса парохода всколыхалъ съ самого дна тину и грязь Темзы. Но, не смотря ни на какія усилія, мы никакъ не могли достигнуть того, чтобъ дѣлать семь узловъ въ часъ! На слѣдующее утро, въ среду, новое несчастье: уголь весь вышелъ на пароходѣ и надо ѣхать за нимъ въ Гримзби; и вотъ мы бросаемъ якорь въ гнусной деревушкѣ, гдѣ нельзя найти ни газетъ, ни даже бумаги чтобъ свернуть папироску... Оставивши Лондонъ четверо сутокъ тому назадъ, мы останавливаемся на разстояніи четырехчасовой ѣзды отъ него по желѣзной дорогѣ и проводимъ еще двое сутокъ, не имѣя другого занятія, кромѣ созерцанія падающихъ дождевыхъ капель!...

Люди, много путешествовавшіе въ своей жизни, вѣроятно знаютъ какъ сильно дѣйствуетъ на расположеніе духа внѣшняя обстановка, въ особенности погода. Путнику необходимо солнце: оно для него другъ, утѣшитель, отдаленная идея о Богѣ-покровителѣ. И потому, во время самыхъ сильныхъ тѣлесныхъ страданій, которыя мнѣ пришлось вынести впоследствии, я никогда такъ не унывалъ и не падалъ духомъ, какъ въ эти первые дни моего путешествія. Этотъ дождь, уединеніе, бездѣйствіе, неизвѣстность будущаго и предстоящія трудности моего предпріятія наводили меня на самыя мрачныя, безотрадныя размышленія, и для меня было большимъ счастьемъ общество нѣкоторыхъ изъ моихъ спутниковъ.

Однако и въ этой тоскѣ я придумалъ для себя развлеченіе и занятіе, а именно: я заставлялъ поднимать себя въ деревянномъ ящикѣ водяными насосами на самую вершину башни, имѣвшей сажень сорокъ въ вышину, для того чтобъ оттуда посмотреть на солнце, такъ какъ меня увѣряли будто тамъ сквозь туманъ проглядываетъ иногда кусочекъ голубаго неба; но слухи эти оказались невѣрными,

и смертному глазу также невозможно было увидѣть солнце, какъ проникнуть въ тайны вѣчности.

Наконецъ, мы оставили эти дикіе берега, запасшись на нихъ углемъ, гусями, курами, утками и индѣйками, и пароходъ пошелъ дальше, дѣлая по шести узловъ въ часъ. Мнѣ никогда еще не случалось плыть на такой дрянной, испорченной машинѣ, и самъ океанъ, по-видимому, рѣшился уничтожить ее за негодность, потому что въ Сѣверномъ морѣ наслалъ на нее такой шквалъ, что механики едва не захлебнулись въ двадцати тоннахъ воды, обрушившихся на ихъ головы; котлы были всѣ потоплены, и мы даже были не въ состояніи оказать помощь норвежскому брику, который телеграфировалъ намъ, что у него вышли всѣ съѣстные припасы. Посреди всеобщаго смятенія рѣшено было еще разъ бросить якорь въ Копенгагенѣ.

Между тѣмъ прояснилось и стало холодно; вскорѣ показались зеленые и лѣсистые берега Давіи, между тѣмъ какъ съ другой стороны возвышались горы Швеціи, усѣянные бѣлыми домиками, крытыми черепицей. Приѣхавъ въ Копенгагенъ, я поспѣшилъ осмотрѣть городъ, который выстроенъ очень правильно и изящно; вокругъ него расположены прекрасные парки и море окружаетъ его почти со всѣхъ сторонъ. Не имѣя времени разсмотрѣть все въ подробности, я поспѣшилъ въ церковь Богоматери, чтобъ видѣть тамъ двѣнадцать знаменитыхъ статуй апостоловъ—мастерское произведеніе Торвальдсена. Возвратившись на пароходъ, я сталъ горько жаловаться капитану на всѣ эти замедленія, которыя онъ долженъ былъ предвидѣть заранее; но онъ озадачилъ меня отвѣтомъ: «Развѣ вы не знаете, что на нашихъ объявленіяхъ назначаютъ день нашего отъѣзда изъ Лондона, когда мы еще не выѣзжали изъ Петербурга? Какую же тутъ можно соблюсти аккуратность?...» Жаль что онъ не говорилъ со мной съ такой же откровенностью въ тотъ день, когда я бралъ билетъ!

Наконецъ мы покинули Копенгагенъ и вошли въ Балтійское море. Небо совсѣмъ прояснилось, и свѣжій, укрѣпляющій воздухъ холодныхъ странъ разлилъ радость и энергію по всему моему существу. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, мы проснулись въ одно прекрасное, солнечное утро въ виду Кронштадтскихъ пушекъ. Признаюсь, что я былъ нѣсколько разочарованъ при первомъ взглядѣ на эти укрѣпленія, надѣлавшія столько шума въ газетахъ во время Крымской войны; впрочемъ, флотъ показался мнѣ очень значительнымъ и грознымъ: я насчиталъ въ немъ пятнадцать кораблей; одни стояли

въ морѣ, другіе починавались. Лишь только мы вошли на рейдъ, какъ насъ окружила толпа людей.

Это были всякаго рода чиновники въ мундирахъ и матросы до того тщедушные, что казалось первое дуновение вѣтра снесетъ ихъ въ море: впрочемъ я больше не встрѣчалъ такихъ въ Россіи, и это замѣчаніе мое не болѣе какъ частное. Эти *господа* влѣзли на abordажъ съ страшными криками, забрали всѣ наши вещи и перенесли ихъ на какой-то маленькій, дрянной пароходикъ, куда и мы также пересѣли. Въ эту минуту вся прислуга (*stewards*) нашего прежняго парохода окружила насъ, утверждая клятвенно, что не получила ни копѣйки отъ компаніи, хотя каждый изъ насъ выдалъ по тринадцати франковъ за свое пребываніе на пароходѣ и получилъ квитанцію отъ компаніи. Однимъ словомъ, лучшая услуга, которую я могу оказать этой компаніи и этому пароходу состоитъ въ томъ, чтобъ никогда никому не называть ихъ по имени.

Здѣсь-то, на самомъ дѣлѣ, распростился я съ Европой, потому что хотя Россія и находится въ Европѣ, но никакъ нельзя сказать, чтобъ она составляла часть ея цѣлаго, и всякій иностранецъ, пріѣзжающій туда, чувствуетъ себя посреди чуждаго ему міра. Я искренно пожалъ руку нашему честному англійскому капитану, и мысленно послалъ привѣтствіе этому благородному флагу, знакомому со всѣми морями и со всѣми бурями. Я долженъ былъ снова увидѣть его только на берегахъ Японіи, проѣхавши около пятнадцати тысячъ верстъ. Сердце мое разорвалось на части въ эту минуту; я тогда не могъ не только предвидѣть, но даже подозрѣвать пріемъ, ожидавшій меня повсюду въ Россіи и ту горечь, которую я почувствую восемь мѣсяцевъ спустя, при разставаніи съ дорогими друзьями на берегахъ Голубой рѣки. Такова жизнь путешественника; ея радости были бы слишкомъ сильны, еслибъ непрерывались катастрофы и бѣдствіями.

Мы отплыли изъ Кронштадта на небольшомъ русскомъ пароходѣ, котораго капитанъ, завернувшись съ головы до ногъ въ темно-зеленую шубу, казалось и не думалъ помышлять о своей должности; скоро вдали сверкнули какъ молніи шишицы и металлическіе куполы; попутный вѣтеръ понесъ насъ прямо къ «Сѣверной Венеціи», обливаемой лучами солнца, и, скользя вдоль ея знаменитой гранитной набережной, мы наконецъ остановились возлѣ зданія, котораго миновать нельзя, таможни.

ГЛАВА II.

С.-Петербургъ. — Князь Орловъ. — Москва. — Приближеніе зимы. — Приготовленія къ путешествію. — Отъѣздъ въ Азію.

Противъ моего ожиданія, таможенные чиновники обошлись съ нами очень вѣжливо и осмотрѣли наши чемоданы только слегка. Меня изумило болѣе всего то, что, войдя въ залу багажа, прямо со страшнаго мороза, мы внезапно очутились въ почти тепличной атмосферѣ: до того воздухъ былъ ровенъ, мягокъ и тепелъ, хотя невозможно было открыть источникъ, откуда исходило тепло: во всей огромной залѣ не было ни камина, ни печи, а между тѣмъ въ ней вѣяло климатомъ тропическихъ странъ!... Увидя въ очію такое чудо, я внутренне сознался, что въ западной Европѣ не имѣютъ никакого понятія объ отопленіи домовъ. Когда мы получили обратно нашъ багажъ, я рѣшился пустить въ ходъ пріобрѣтенное мной еще въ Парижѣ знаніе русскаго языка и храбро пошелъ къ толпѣ извозчиковъ, крича имъ: «*Gastinitza Parische, Ma'aia Mo'skuia!*» Вѣроятно я выговаривалъ это очень дурно; но извозчики внимъ все поняли и уложили мой багажъ въ телѣгу, а я пошелъ пѣшкомъ по Николаевскому мосту, къ адмиралтейству.

Изъ всѣхъ столицъ, видѣнныхъ мною, ни одна не поражала меня такъ какъ Петербургъ; нигдѣ не дышалъ я такимъ чистымъ воздухомъ. При входѣ на мостъ, направо стоитъ маленькая часовня, передъ которой прохожіе останавливаются, снимаютъ шапки и начинаютъ креститься съ праваго плеча на лѣвое. Прибывши въ гостиницу «*Паризъ*», я вынулъ изъ кармана англійскій шиллингъ (тридцать копѣекъ серебромъ) и подалъ его извознику, привезшему мои вещи; онъ взялъ его и началъ бормотать что-то по русски, что, по

моему мнѣнію, выражало сильнѣйшее негодованіе и, можетъ быть, ругательства или проклятій. Одна сострадательная дама, ѣхавшая со мною изъ Лондона, выучила меня кричать «*dovol'no*» (довольно!), и я послѣдовалъ ея совѣту; но такъ какъ это кабалистическое слово не произвело никакого дѣйствія на извозчика, то я призвалъ на помощь слугу изъ гостиницы; онъ растолковалъ мнѣ, что извозникъ находитъ сумму достаточной, но недоволенъ тѣмъ, что ему даютъ иностранную монету; тогда я далъ ему четвертакъ, и онъ остался очень доволенъ.

Путешественнику, отправляющемуся въ Россію, обыкновенно говорятъ: «Вамъ не будетъ тамъ никакихъ затрудненій; тамъ всѣ говорятъ по французски». Конечно, образованный классъ отлично знаетъ французскій языкъ, но легче рыбѣ дышать внѣ своей стихіи, чѣмъ французу объясняться съ большинствомъ людей, съ которыми ему приходится ежеминутно сталкиваться въ Россіи! Мой проектъ путешествія въ Сибирь началъ серьезно пугать меня: если уже въ гостиницѣ, гдѣ содержатель былъ французъ, а одинъ изъ слугъ плѣнный, взятый въ Севастополѣ, мнѣ было невозможно, лишь только они отходили, растолковать что я желаю горчицы, а не кофе, то какже буду я справляться съ этимъ затрудненіемъ, когда останусь одинъ, посреди азіатскихъ степей? Можетъ быть, если я тамъ спрошу баранины, мнѣ подадутъ верблюжину или конину, или еще что нибудь хуже!....

Плотно пообедавши въ гостиницѣ, я отправился при свѣтѣ луны осматривать городъ. Трудно вообразить себѣ, столько архитектурнаго великолѣпія собраннаго въ одномъ мѣстѣ: повсюду безконечныя колоннады, куполы, пиццы, статуи,obelisks, такъ что глазъ теряется въ этомъ ослѣпительномъ разнообразіи. На необозримой Исакиевской площади я остановился передъ этимъ величественнымъ соборомъ, золотой куполъ котораго блисталъ отблескомъ серебра подъ мягкимъ свѣтомъ луны; меня изумило то, что въ его гигантскихъ размѣрахъ было сохранено столько граціи, и я могъ сравнить его достойно только съ произведеніями самой природы. Эта была настоящая гора изъ порфира и металла, сама собою выросшая изъ нѣдръ каменистой равнины, и мнѣ кажется, что даже въ Парижѣ нельзя найти ничего ей равнаго. Погуливши по Невскому проспекту, съ которымъ по красотѣ можетъ соперничать во всемъ мірѣ развѣ только Севастопольскій бульваръ, я порядочно озябъ и рано возвратился въ свою гостиницу.

На слѣдующее утро я опять пошелъ въ Исаіевскій соборъ, гдѣ мнѣ посчастливилось попасть къ самой обѣднѣ и видѣть греческое богослуженіе. Священники, всѣ почти молодые и колоссальнаго роста, отпускають длинную бороду, покрывающую имъ всю грудь; а волосы ихъ, расчесанные по обѣимъ сторонамъ лба, выются густыми волнами по плечамъ; они медленно входили и выходили изъ алтаря и на одномъ изъ нихъ, вѣроятно на главномъ, была золотая діадема. Первый пѣвчій былъ гигантъ, на котораго страшно было смотрѣть, и еще страшнѣе слышать: самая низкая педаль органа показалась бы просто свисткомъ въ сравненіи съ этимъ глухимъ, какъ будто выходящимъ изъ пещеры голосомъ. Изъ кадилницъ, при каждомъ взмахѣ вылетало голобоватое пламя, какъ блудящій огонь на нашихъ театрахъ; грустное церковное пѣніе въ минорномъ тонѣ звучало и повторялось замирающимъ эхомъ въ сводахъ храма, блистающихъ порфиромъ, малахитомъ и золотомъ. Еслибъ ко всему этому прибавить еще звуки органа, то эта обстановка имѣла бы въ себѣ нѣчто сверхъестественное.

По окончаніи службы, я исходилъ пѣшкомъ по крайней мѣрѣ верстѣ двадцать по всѣмъ частямъ этой великолѣпной столицы, до тѣхъ поръ, пока вполне насытился всѣмъ что видѣлъ; не стану распространяться объ этомъ, такъ какъ для читателя не будетъ занимательно описаніе всѣмъ извѣстнаго города; замѣчу только, что, при всемъ безукоризненномъ вкусѣ и изящной формѣ зданій Петербурга, они грѣшатъ, по моему мнѣнію, излишествомъ украшеній и богатства въ частныхъ подробностяхъ, въ особенности въ церкви: напр., Казанскій соборъ, гдѣ на каждомъ шагѣ блестятъ драгоценныя каменья и покрываютъ собою образа.

Мнѣ чрезвычайно понравилось изобрѣтеніе *дрожекъ*, маленькаго экипажа на четырехъ колесахъ, запряженнаго обыкновенно парой лошадей. Эти лошади удивительно красиво скачутъ, подымая высоко переднія ноги и ударяя ими, какъ молотками, по деревянной мостовой Невскаго проспекта; быстрота ихъ ѣзды изумительна, и говорить, что въ то время, когда онѣ начинаютъ нести, на нихъ накидываютъ мертвую петлю, на которой они неминуемо должны удавиться; это средство употребляется въ крайнемъ случаѣ. Русскіе кучера любятъ выѣзжать лошадей такъ, чтобъ одна скакала въ галопъ, а другая рысью: это выходитъ довольно красиво.

Безполезно, я думаю, повторять общее замѣчаніе, что настоящая столица и образецъ городовъ Россіи есть Москва, а не Петербургъ.

Положимъ, что Петербургъ прекраснѣе и правильнѣе, но въ немъ нѣтъ ничего русскаго, такъ какъ большая часть его зданій выстроена иностранцами. Русскій народъ имѣетъ настолько практическаго здраваго смысла, что понимаетъ свои слабыя стороны, не стыдится просить у другихъ совѣта и перенимать у чужихъ странъ то, что находить хорошимъ; этому не худо бы поучиться и другимъ народамъ. Невозможно опредѣлить типъ русскаго человѣка: онъ заимствованъ и отъ французовъ, и отъ славянъ, и отъ персовъ, и отъ турокъ, и отъ татаръ; только въ Москвѣ можно уловить первобытный характеръ древней архитектуры, Петербургъ же есть ничто иное какъ снимокъ съ Парижа.

Мнѣ истеричливо хотѣлось скорѣе увидѣть и погрузиться въ это сердце Россіи — Москву, и, посвятивши нѣсколько дней на осмотръ Петербурга, я серьезно занялся приготовленіями къ отъѣзду, выправленіемъ паспорта, отыскиваніемъ карты Сибири и изученіемъ русскаго языка.

Къ счастью, я имѣлъ рекомендательное письмо къ графу де-Сансе, французу, давно уже живущему въ Россіи, который принялъ меня очень обязательно и подарилъ мнѣ превосходную карту Сибири. Кроме того, отецъ мой, будучи знакомъ съ графиней Ржевской, тещей князя Орлова, далъ мнѣ также къ нему письмо, вслѣдствіе чего тотъ обладалъ меня какъ сына. Не смотря на свою долгую и бурную жизнь, князь обладалъ еще сложеніемъ Геркулеса и живостью юноши: взглядъ у него былъ огненный, пронизательный, строгій, но полный доброты. Онъ обошелся со мной съ дружеской фамильярностью военнаго и снабдилъ меня письмами къ губернаторамъ разныхъ провинцій, по которымъ я долженъ былъ проѣзжать. Есть еще одна особа, которой я останусь вѣчно признателенъ, потому что безъ ея помощи, я вѣроятно не могъ бы доѣхать до Пекина: это графиня Муравьева-Амурская, рекомендовавшая меня своему мужу, генералу Муравьеву, генераль-губернатору Восточной Сибири, отъ котораго зависѣло все мое путешествіе.

Съ такой сильной протекціей мнѣ нечего было больше бояться, и я поспѣшилъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе что баронъ Штиглицъ былъ такъ любезенъ, что устранилъ отъ меня всѣ финансовыя затрудненія, могущія произойти отъ неимѣнія въ Сибири банковъ и выдалъ мнѣ золотомъ и банковыми билетами сумму, какую я считалъ необходимою для путешествія въ Мельбурнъ, въ Австралію и въ антиподы, куда я рассчитывалъ непременно приѣхать черезъ восемь или десять

мѣсяцевъ. Я отправился въ иностранную контору выправить паспортъ въ Кяхту, въ Сибирь, на границы Китая, и кажется, что другіе, бывшіе тамъ иностранцы, отъѣзжавшіе въ разные города Европы, посмотрѣли на меня чуть ли не какъ на помѣшаннаго, слыша что я ѣду въ Кяхту.

Окончивъ всѣ эти дѣла, я пошелъ въ большой театръ слушать *Луизу Мюллеръ*, оперу Верди; театръ этотъ также хорошъ какъ la Scala, но уступаетъ московскому. Наконецъ, заплативши страшно дорого за мое пребываніе въ гостиницѣ Парижъ, я сѣлъ, въ одно холодное и ясное октябрьское утро, на московскую желѣзную дорогу. Мы провели цѣлый день и цѣлую ночь въ вагонѣ, проѣзжая эти шестьсотъ верстъ по странѣ, которая показалась мнѣ чрезвычайно бѣдною. Нигдѣ, даже въ Сибири, я не видалъ такой виѣшней нищеты. Вагоны наши были роскошно устроены по американски, т. е. съ проходомъ по срединѣ и съ подушками повсюду: мы дѣлали не болѣе двадцати верстъ въ часъ, безпрестанно останавливаясь днемъ и ночью для завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ, такъ что я началъ вѣрить справедливости поговорки: «ѣсть какъ русскій». Но увы! я былъ жестоко и навсегда разочарованъ, когда мнѣ пришлось, проѣзжая азіатскую Россію, почти совсѣмъ оставаться безъ пищи!

Къ утру окна вагона совершенно замерзли, и, не имѣя на себѣ мѣховой одежды, я очень озябъ. По пріѣздѣ въ Москву, я тотчасъ же отправился отыскивать *hôtel de France* на Кузнецкомъ мосту, и шелъ по лабиринту улицъ съ самыми невѣроятными названіями, эксцентрически изогнутыхъ вавилонами, но очень широкихъ и блестящихъ, благодаря яркимъ лучамъ солнца, освѣщавшимъ ихъ, что впрочемъ не помѣшало мнѣ почти совершенно замерзнуть еще не дойдя до *hôtel de France*. Скажу мимоходомъ, что эта гостиница лучше, дешевле и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе чѣмъ гостиница Парижъ въ Петербургѣ.

И такъ я поселился въ Москвѣ въ самомъ началѣ зимы. Понятно, что, имѣя впереди такъ много предстоящихъ трудностей и опасностей, я едва только остался одинъ въ своемъ номерѣ, какъ предался самымъ тревожнымъ и мрачнымъ размышленіямъ. Чтобъ развлечься отъ нихъ и видя на дворѣ солнце яркое какъ въ Италіи, я пошелъ по страшному холоду къ Кремлю и, вспомнивъ о Бонапарте, взобрался на знаменитую колокольню Ивана Великаго, съ которой открывается видъ на всю Москву. Дѣйствительно, зрѣлище было поразительное: ничего европейскаго не оставалось на обширномъ го-